

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Мартемьянов А. П. Выходцы из Северного Причерноморья в Нижней Мезии и Фракии в I – III вв. н. э. // Вісник Харківського державного університету. – № 385: Історія. – Вип. 28. – Харків, 1994. – С. 49 – 56.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництво

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

ВЫХОДЦЫ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В НИЖНЕЙ МЕЗИИ И ФРАКИИ В I-III вв. н.э.

Исследование взаимных контактов населения фракийских земель (в I в. н.э. на этой территории были созданы римские провинции Нижняя Мезия и Фракия) и северного побережья Черного моря имеет важное значение для восстановления общей картины экономических и культурных связей, существовавших между Западным и Северным Причерноморьем в античное время.

До настоящего времени исследователи основное внимание уделяли проникновению фракийского и греко-римского населения из восточнобалканских земель в Северное Причерноморье. Работ, посвященных участию уроженцев Северного Причерноморья в социально-экономической жизни городов и поселений Нижней Мезии и Фракии, в исторической литературе нет.

В данной статье предпринимается попытка установить пребывание выходцев из Северного Причерноморья в восточнобалканских землях, а также определить то место, которое они занимали в провинциальном обществе.

Ряд надписей, указывающих на присутствие здесь уроженцев Северного Причерноморья, происходит из западнотонтийских греческих городов. Так, при раскопках античного Одессоса обнаружено два надгробия выходцев из Тиры. Одно из них поставили своему сыну Домнину, умершему в двадцатилетнем возрасте, Аврелий Гераклид и Мадагава [29, vol. I², № 229]. Под другой стелой, согласно тексту эпитафии, была погребена Аврелия Абриния из Тиры, отцом которой был Аврелий Фордигал, а мать — Мадина, дочь Артемидора [29, vol. I², № 228 bis]. Оба памятника датируются: конец II — первая половина III в. н.э. Большое сходство эпитафий по форме и стилистическим особенностям позволяет предположить, что они могли быть составлены одним и тем же автором [29, vol. I², f. 214]. Тщательно изготовленные надгробия из мрамора указывают на известное материальное благополучие выходцев из Тиры, проживавших в Одессосе. В обоих случаях надписи подчеркивают "благородное" происхождение умерших, причем члены их семей имеют римское гражданство. Обращает на себя внимание и присутствие в эпитафиях имен иранского происхождения, что может рассматриваться как свидетельство разнородности этнического состава населения

Тиры в первые века н.э. или, по крайней мере, постоянных контактов жителей города с ираноязычным населением.

Ко времени ранней Римской империи относится и происходящее из раскопок Томи надгробие Сатира, поставленное его отцом — ольвиополитом Понтиком, сыном Никия [9, № 4, с. 312]. Отметим, что все три имени неоднократно встречаются в ономастике Ольвии первых веков н.э., причем в ряде случаев их носители занимали высшие административные должности. Так, например, Понтик Никиев упоминается дважды: как стратег [28, № 82] и как первый архонт [28, № 128]; а Никий, сын Понтика, два раза упоминается как стратег [28, № 80, 102].

Приведенные надписи имеют общую особенность — в них непременно указывается этникон умершего. Это позволяет считать, что упомянутые в эпитафиях лица, хотя они и могли быть римскими гражданами, весьма состоятельными людьми, не принадлежали к числу граждан западнопонтийских городов, а проживали в них, скорее всего, на правах ксенов — иноземцев, свободных с юридической точки зрения, но лишенных политических прав. Наличие этой социальной группы в структуре общества городов Нижней Мезии и Фракии засвидетельствовано как эпиграфическими памятниками, так и данными нарративных источников [29, *vol.* 1², № 58; *vol.* 4, № 2263, 2265; 7, с. 68].

Выходцы из Северного Причерноморья, проживавшие в городах Нижней Мезии и Фракии, в большинстве занимались, очевидно, торговлей. Именно торговые интересы заставляли их проникать во внутренние районы Нижней Мезии. Так, купцами, вероятно, были ольвиополит и уроженец Тиры, жившие во II в. н.э. в Тропаум Траяни [32, р. 209]. О лице "с шаблонным гентильным именем и греческим когноменом, родившемся в Тире" идет речь в надписи римского времени из Эскуса [8, с. 91, заб. 9]. По мнению Р. Вульпе, торговцем из Ольвии мог быть и Марк Невий Пальма Теотимиан [32, р. 186], посвятивший в конце III в. н.э. жертвенник Юпитеру Ольвиополитанскому в Тропаум Траяни [26, № 12464]. Однако специальное исследование этой надписи из Ад-мк-лиси, проведенное П. О. Карышковым [14, с. 168-170], показало, что автор посвящения являлся, скорее всего, воином.

На существование прочных торговых связей между Северным и Западным Причерноморьем и на возможность более или менее продолжительного пребывания уроженцев Северного Причерноморья в

западнопонтийских городах указывают почетные декреты, принятые в честь жителей Херсонеса и Тиры гражданами Томи и Каллатии [3, с. 256, № 26; 9, с. 255, № 20; с. 310-311, № 2], а в декрете ольвиополитов в честь каллатийца Навтима, сына Пасиада, речь идет о неоднократных посещениях Каллатии и гражданами Ольвии [28, № 27]. Большинство перечисленных декретов относятся к эллинистическому времени, но нет сомнения, что столь широко распространенная в греческом мире форма поощрения иногородних граждан, содействовавших укреплению межполисных связей, продолжала существовать и в первых веках н.э. Обычно к числу привилегий, гарантируемых гражданам других городов почетными декретами, относились потомственная проксения, право гражданства, равноправие в налогах, право беспрепятственного въезда в город и выезда из него с имуществом в мирное время и в период военных действий, а иногда и некоторые другие льготы, в том числе право на приобретение недвижимости. Таким образом, отмеченные подобными декретами лица греческого происхождения из Северного Причерноморья становились почетными гражданами западнопонтийских городов.

В начале двадцатых годов нашего столетия в ходе раскопок античной постройки у с. Черковица Ловечской области Болгарии, где в первых веках н.э., по мнению ряда исследователей, находилось римское укрепление Секуриска [5, с. 227; 27, с. 101-102], было обнаружено известняковое надгробие всадника Боспоранской алы [5, с. 226-227]. По мнению Б. Герова, памятник этот относится к раннему периоду римского господства во фракийских землях и датировать его следует, самое позднее, первыми годами принципата Клавдия [27, с. 101-102].

Участие боспорских вспомогательных войск в римской армии в первые века н.э. нашло отражение в различного рода источниках и, несомненно, может рассматриваться как реальное свидетельство известной зависимости правителей Боспора от Рима [1, с. 20; 20, с. 331]. В настоящее время известно о двух [1, с. 148; 20, с. 331] или трех [23, р. 60, 178; 25, Col. 255] когортах боспорских пехотинцев, а также одном кавалерийском отряде — упомянутой Боспоранской але. Отряд боспорской конницы, обладавшей, вероятно, высокими боевыми качествами [4, с. 141-145], принимал активное участие в военных действиях римлян. Так, данные эпиграфики свидетельствуют о присутствии Боспоранской алы в I в. н.э. не только в Мезии, но и в Сирии [26, № 6707], а во II в. н.э.

ала длительное время находилась в Дакии [24, Col. 1234; 26, № II97, 1344, 7888; 33, s. 19-20], где, возможно, была объединена с I Галльской алой [4, с. 149; 22, s. 6-7; 24, Col. 1245]. О продолжительности пребывания Веспоранской алы в Мезии к настоящему времени данных нет: надгробие воина из Черковицы является пока единственным свидетельством присутствия боспорской конницы во фракийских землях.

В 1984 году В.Гепасимова-Томова опубликовала фрагмент римского военного диплома ветерана I Вспомогательного легиона [6, с. 79-81], найденный в с. Минераль. бани Хасковской области Болгарии - на территории античной Фракии. Не лишено оснований предположение автора публикации, что сохранившаяся часть имени вышедшего в отставку воина - *Tyraesus* - может рассматриваться как неизвестная ранее форма этника, производного от названия находившегося на берегу Днестровского лимана античного города Тиры.

Трудно судить о том, какое положение занимал во фракийском обществе ветеран *Tyraesus*. Военные дипломы фиксировали те важнейшие права, которые закреплялись за получившими отставку воинами, и в первую очередь право римского гражданства. Исследователи балкано-дунайских провинций, как правило, относят ветеранов к привилегированной части населения, представители которой на основе достаточно высокого уровня материального благосостояния имели возможность занимать важные посты в городском и сельском самоуправлении [7, с. 37-39; 10, с. 68, 84-86; 15, с. II7-II8; 21, с. 260, 263 и др.]. Однако такая оценка места ветеранов в социальной структуре населения римских провинций представляется излишне суммарной, правомерной по отношению только к части бывших воинов. Об этом свидетельствуют и данные о ветеранах, поселившихся в Нижней Мезии и Фракии. Вышедшие в отставку воины приобретали здесь земельные участки, иногда становились владельцами вилл на этой территории. Некоторые из них, сумев накопить за годы службы значительные средства и умножить их за счет доходов от своих поместий, получали доступ к магистратурам в городском и сельском управлении, занимали важные жреческие должности. Но большинство ветеранов, не достигнув подобного уровня благосостояния, пополняло в Нижней Мезии и Фракии ряды мелких землевладельцев [12].

В истории греческих понтийских городов важное место занимает

проблема их взаимоотношений с племенным миром Причерноморья, в частности, вопрос о наличии варварских элементов в составе городского населения. В комментариях к списку эфбев римского времени из Одессоса [29, vol. I², № 50] М. Мирчев обращает внимание на имя Скифика, сына Сосии, отмечая при этом, что "этникон" *ΣΚΙΘΙΚΟΥ* указывает на неоднородность этнического состава населения города в первых веках н.э. [18, с. 38]. Надо полагать, что происхождение иносии автор считает скифским.

Имя Скиф во фракийских землях встречается в эпиграфических памятниках как в эллинистическое время, так и в первых веках н.э. Так, надпись из Каллатии III в. до н.э. свидетельствует, что Аристийон, сын Скифа, в числе других фиситов, сделал взнос на постройку храма [3, с. 254, № 23]. Упоминается имя Скиф, причем неоднократно, и в надписи I-II вв. н.э. из Бизоне среди имен жрецов [29, vol. I², № 6].

Вопрос о пребывании скифов во фракийских землях часто возникал в исторической литературе главным образом в связи с проблемой скифского присутствия в Добрудже [2; 10, с. 10-12; 13; 17, с. 238-244]. Наличие скифов на этой территории как самостоятельной этнической группы в римское время представляется маловероятным. Накопленный исследователями материал, определенно свидетельствующий о пребывании скифов к югу от Дуная, относится к более раннему периоду. Последнее же упоминание античных авторов о скифах в этническом значении этого понятия в Добрудже связано с событиями 62 г. до н.э.: совместно с бастарнами скифы поддерживают выступление греческих городов западнопонтийского побережья против римского наместника Македонии Гая Антония Гибриды [13, с. 60]. Страбон прямо указывает, что в его время племена скифов и сарматов смешались с фракийцами [31, УП, 3, 2], а у Овидия наименование "скифы" выступает уже как традиционное, лишенное этнического содержания понятие [19].

Приведенные данные указывают на то, что потреблявшиеся в античное время применительно к Добрудже термины "Скифия" и "Малая Скифия" в первых веках н.э. полностью утрачивают свой этнический смысл. Тем более несостоятельными представляются попытки обнаружить здесь скифов выявлением в ономастике западнопонтийских городов этого времени имени Скиф и имен, производных от него. Неоднократно и ранее высказывавшееся в научной литературе мнение о том, что подобные имена имеют греческое происхождение.

и, следовательно, нет оснований видеть в носителях их непременно выходцев из скифской среды [16, с. 676; 29. *op. cit.* 12, f. 38, 116]. в настоящее время, думается, можно считать доказанным [11, с. 91-96].

Итак, инфильтрация выходцев из Тиры, Ольвии и Херсонеса в восточнобалканские земли и Добруджу находит отражение в эпиграфических памятниках первых веков н.э. В основном это были лица, так или иначе связанные с торговой деятельностью. Хотя следы их присутствия и зафиксированы в таких относительно отдаленных от Черноморского побережья пунктах, как Эскус и Тропэум Траяни, большинство выходцев из Северного Причерноморья было, по всей вероятности, сосредоточено в греческих западнопонтийских городах, где они проживали на правах ксенов. В некоторых случаях за особые заслуги уроженцам Северного Причерноморья в этих городах специальным декретом могли быть дарованы права местного гражданства. Значительное число выходцев из Северного Причерноморья могло находиться в Мезии в I в. н.э. в составе Боспоранской алы; возможны также случаи поселения во Фракийских землях ветеранов римской армии, происходивших из Северного Причерноморья. Вместе с тем следует отметить, что эпиграфические данные не позволяют судить определенно о присутствии во Фракийских землях в первых веках н.э. представителей северопричерноморского племенного мира. В целом же пребывание в Нижней Мезии и Фракии выходцев из Северного Причерноморья, наряду с проникновением в северопонтийские города жителей восточнобалканских земель, несомненно, должно было способствовать укреплению исторически сложившихся связей между населением Северного и Западного Причерноморья.

Л и т е р а т у р а

1. Античные государства Северного Причерноморья / Под ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликовой, В.С. Долгорукова. - М., 1984.
2. Блаватская Т.В. Греки и скифы в Западном Причерноморье // Вестн. др. ист. - 1948. - № 1. 3. Блаватская Т.В. Западнопонтийские города в Уп-1 вв. до н.э. - М., 1952. 4. Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. - М., 1954. 5. Велков И. Новооткрыти старини. // Известия на Бълг. археол. институт, 1923-1924. - Т. 2.

6. Герасимова-Томова В. Фрагменти от военни дипломи от Тракия и Долна Мизия // Археология. - 1984. - Кн. 2-3. 7. Геров В. Земецване в Римска Тракия и Мизия (I-III в.) // Годишник на Софийския ун-тет. Фак-тет по класич. и нови филологии, 1977. - Т. 72. Ч. 2. 8. Геров В. Романизъм между Дунава и Балкана през първите три века н.е.: Ч. 2 // Годишник на Софийския ун-тет. Филолог. фак-тет, 1951-1952. - Т. 47. 9. Граков В.Н. Материали по истории Скифии в греческих надписях // Вестн. древ. ист. - 1939. - № 3. 10. Златковская Т.Д. Мезия в I-II веках н.э. - М., 1951. 11. Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. - Харьков, 1981. 12. Кадеев В.И., Мартемьянов А.П. О ветеранах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н.э. // Античный мир и археология. - Саратов, 1990. - Вып. 7. 13. Карышковский П.И. Скифы на Дунае // Укр. Ист. журн. - 1971. - № 9. 14. Карышковский П.О. Из истории поздней Ольвии // Вестн. др. ист. - 1968. - № 1. 15. Колосовская Ю.К. Паннония в I-III веках. - М., 1973. 16. Корпус боспорских надписей / Под ред. В.В. Струве, М.Н. Тихомирова, В.Ф. Гайдукевича и др. - М.; Л., 1965. 17. Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. - М., 1979. 18. Мирчев М. Гръцки епиграфски пометници от Черноморското крайбрежие и вътрешността // Изв. на Варненското археол. дружество, 1951. - Т. 8. 19. Подосинов А.В. К истории скифов в Добрудже. По сведениям Овидия // Античная балканистика: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. Предварительные материалы. Тезисы докладов. - М., 1980. 20. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России: Т. I. - СПб., 1914. 21. Штаерман Е.М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае // Вестн. др. ист. - 1946. - № 3. 22. Beneš J. *Auxilia Romania in Moesia atque in Dacia*. Praha, 1978. 23. Cheesman G.G. *Auxilia of the Roman Army*. - Oxford, 1914. 24. Cichorius. *Ala* // *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* (далее - RE). Hbd. 1. - Stuttgart, 1893. 25. Cichorius. *Cohors* // RE. Hbd. 7. - Stuttgart, 1900. 26. *Corpus Inscriptionum Latinarum*: Vol. 3 / Ed. Th. Mommsen. B., 1873-1902. 27. Czerw. B. *Epigraphische Beiträge zur Geschichte des Mösischen Limes in vorclaudischer Zeit* // *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. - 1967. T. 15. 28. *Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini*. Vol. 1. Ed. 2. -

- Petropoli, 1916. 29. Mihailov G. *Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae*: Vol. 4; 1^a. - *Serdica*, 1966 - 1970. 30. Mrozewicz L. *Roswój ustojy municypalnego a postępy romanizacji w Meeji Dolnej*. - *Poznań*, 1982. 31. Strabonis *Geographica*: Vol. 1-2 / *Rec. L. Kremer.-B.*, 1844-1847. 32. Vulpe R. *Histoire ancienne de la Dobroudja // La Dobroudja*. - *Bucarest*, 1938. 33. Wagner W. *Die Dislokation der römischen Auxilliaformationen in den Provinzen Noricum, Pannonien, Moesien und Dakien von Augustus bis Gallienus.-B.*, 1938.

О.А.Ручинская

АГОНЫ В РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАЗДНЕСТВАХ ФРАКИЙСКИХ ЗЕМЕЛЬ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

В античных городах фракийских земель широкое распространение получила греческая агонистическая традиция. Она проявилась, главным образом, в таком своеобразном явлении эллинской культуры, как религиозное празднество.

Празднества устраивались в честь наиболее почитаемых богов греческого пантеона и обычно распадалась на две основные части. Первая, носившая характер священнодействий, была связана с определенными культовыми обрядами почитания богов: жертвоприношениями, торжественными шествиями, пением гимнов. Вторая, более широкая и разнообразная, включала в себя агоны, то есть разного рода состязания в спорте, музыке, театральном искусстве. И хотя главной частью празднеств являлись священнодействия, а состязания как бы дополняли их, вторая часть торжеств была для эллинов гораздо привлекательнее первой. Поэтому большое значение для изучения традиции греческой агонистики и ее роли в общественной жизни античных городов фракийских территорий имеет исследование именно этой стороны религиозных празднеств.

До настоящего времени данный вопрос остается слабо изученным. Как болгарские, так и отечественные исследователи, уделяя большое внимание изучению греческих культов, получивших распространение во фракийских землях, практически не рассматривают такую важную черту эллинского общества, как состязательность.

Целью данной статьи является попытка проследить проявления греческой агонистической традиции в религиозных празднествах